

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

**ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации

**Метафора в политическом дискурсе как средство формирования
образа политического деятеля в англоязычных средствах массовой
информации и способы ее передачи на русский язык**

Выпускная квалификационная работа

обучающегося по направлению подготовки 45.04.01 Филология
магистерская программа Теоретические и прикладные аспекты перевода
заочной формы обучения,
группы 04001455
Свинаренко Натальи Викторовны

Научный руководитель
профессор, Чекулай И. В.

Рецензент
кандидат филологических
наук, Ермакова Л.Р.

БЕЛГОРОД 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.	
1.1. Дискурс как комплексное лингвистическое исследование.....	6
1.1.1. Понятие «дискурса».....	6
1.1.2. Различные подходы к классификации дискурса	8
1.2. Политический дискурс как современное направление исследований.....	14
1.3. Языковая метафора как когнитивное явление.....	20
1.3.1. Различные концепции метафоры.....	20
1.3.2. Проблема соотношения понятий «метафора» и «образ».....	26
1.3.3. Метафора в политическом дискурсе.....	28
Выводы по Главе 1.....	36
Глава 2. ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ В ПЕЧАТНЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ.	
2.1. Языковые методы и приемы передачи метафор на русский язык.....	39
2.2. Метафорика в образе В. В. Путина в статьях печатных англоязычных СМИ.....	41
2.2.1. Освещение профессиональных и личностных качеств В. В. Путина в текстах англоязычных СМИ	41
2.2.2. Средства обозначения места В. В. Путина в мировой политике в англоязычной прессе.....	46
Выводы по Главе 2.....	52
Заключение	53
Список использованной литературы	58

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена анализу метафоры в англоязычных средствах массовой информации, как средства создания образов политических деятелей.

Средства массовой информации отличаются мобильностью. С развитием Интернета СМИ стали самой мобильной речевой сферой. Растет и процент их цитируемости. Стоит только появиться новому интересному выражению в газетной или журнальной статье, телерепортаже или Интернет-ресурсе, как оно тут же распространяется с огромнейшей скоростью и используется затем во многих контекстах. Причем, информация, полученная из СМИ, для большинства людей не носит субъективный характер, а наоборот является истинной и объективной.

Язык средств массовой информации перестает быть официально «сухим», он все более и более наполняется образностью. Тексты информационных ресурсов пестрят различными стилистическими приемами. Из всех средств создания образности метафора обладает наибольшим потенциалом. Поэтому в данной работе мы остановимся на рассмотрении использования англоязычными средствами массовой информации метафоры.

Для большинства людей метафора является неотъемлемой частью художественного текста. По их мнению, метафоричность не свойственна бытовой сфере и, уж тем более, публицистическому тексту. Однако метафора завоевывает позиции во всех областях применения языка.

Использование метафоры всегда преследует какую-либо цель. Анализируя это утверждение с точки зрения политического дискурса, чаще всего метафора используется для придания убедительности, образности и побудительности тексту или речи.

Актуальность данного исследования обусловлена влиянием средств массовой информации на массовое мировоззрение, возникшее в связи с

ростом количества средств массовой информации и с увеличением их мобильности.

В качестве **объекта** в данном исследовании выступают тексты англоязычных средств массовой информации.

Предметом исследования является метафора как средство создания образа политика.

Целью исследования является выявление различных видов метафор, реализующих создание образа политического деятеля (В. В. Путина). Цель исследования определила постановку сопутствующих **задач**:

1. Дать описание термину «дискурс», охарактеризовать и классифицировать его;

2. Выделить политический дискурс не только как вид дискурса, но и как современное направление исследований и дать ему характеристику;

3. Рассмотреть различные концепции в изучении метафоры, определить ее место в политическом дискурсе;

4. Проанализировать способы перевода метафоры на русский язык, описать трудности перевода;

5. Изучить статьи печатных англоязычных медиа ресурсов, проанализировать примеры метафор, представленные в них;

6. На основе полученных данных сделать выводы о значении метафоры в формировании образа политика.

В ходе исследования были использованы следующие **методы**: наблюдение, сравнение, анализ (стилистический, семантический, контекстуальный, концептуальный, дискурсивный) и синтез.

Теоретической основой для исследования составили труды ученых, проводящих исследования в области политической лингвистики (А. Г. Дугин, А. П. Чудинов), дискурса (В. И. Карасик, Э. В. Будаев, А. А. Кибрик, М. Л. Макаров, Е. С. Кубрякова, М. В. Никитин) и метафоры (А. П. Чудинов, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Э. В. Будаев, Н. Д. Арутюновой, М. В. Никитин).

Практическая ценность данной работы состоит в возможности использования полученных результатов в качестве иллюстративного материала для классификаций метафоры, а также в качестве примеров перевода метафор.

По отдельным пунктам плана диссертации были написаны две статьи.

В основу данной научно-исследовательской работы положена **гипотеза** о том, что англоязычные СМИ активно используют метафору для создания необходимого им образа политического деятеля.

Структура работы обусловлена поставленными целями и задачами. Диссертация состоит из двух введения, двух глав и заключения. В конце работы приведен библиографический список научной и справочной литературы.

Глава 1. МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Дискурс как комплексное лингвистическое исследование

1.1.1 Понятие «дискурс»

В последнее время большой популярностью в области лингвистики пользуются исследования в области дискурса. Подходы к изучению понятия «дискурс» весьма разнообразны, и в лингвистике еще не существует общепринятого определения понятия «дискурс». К тому же, различают целый ряд видов дискурса, а именно административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, медицинский, рекламный, деловой, спортивный, научный, сценический, политический, массово-информационный и т.д.

Самое общее и очевидное значения дискурса – это речевая или же коммуникативная деятельность. При данном подходе любое предложение из текста противопоставляется отдельному изолированному предложению. Другими словами, дискурс есть не что иное, как текст в действии.

Появление этого термина связано с различными направлениями лингвистики и различными школами, не связанными между собой. Именно поэтому не существует общепринятого определения данного термина. Различные школы и ученые рассматривают этот термин по-своему.

Некоторые ученые рассматривают дискурс как противоположность текста, принимая текст за письменную сторону, а дискурс – за устную. Другие же ученые рассматривают сам дискурс как двустороннее понятие, то есть имеющее две составляющие: текст и речь. Во втором случае по дискурсом понимают язык, воплощенные в речевое общение.

Е. С. Кубрякова указывает на то, что изначально термин дискурс имеет тесную связь с понятием «речь»: «В основе термина – латинское

слово *discursus*, которое означало 'бегание туда и сюда', откуда понятие круговорота, а позднее – значения 'беседа', 'разговор' и уточнение круговорота как круговорота речи»(14, 25). По мнению Е. С. Кубряковой ядро понятия составляют: «концепты использования языка в конкретных условиях коммуникации, выборочности употребленных при этом языковых средств, зависимости от целей коммуникативного акта» (14, 26-27).

Е. С. Кубрякова указывает на то, что термин «дискурс» включает в себя такие компоненты, как «знания о речи и речевой деятельности, о том, что ее источником могут являться и одно лицо, и два, и еще гораздо большее количество участников, что она может и должна рассматриваться во всех социо-, культурно- и личностно-обусловленных прагматических условиях ее порождения, по ходу ее протекания, проявляя зависимость от указанных факторов, а также, что по мере осуществления речи строится за счет определенным образом выбираемых языковых средств новая данность, выражающая интенции ее отправителя и оказывающая воздействие на других участников коммуникативного акта, а также отражающая и порождающая особый мир (ментальное образование), могущий быть репрезентированным в виде текста (14, 31-32).

Только в 80-х гг. «дискурс начинает пониматься как сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определенного текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего как создателя текста» (13, 8).

По мнению В. И. Карасика самой главной характеристикой дискурса «как феномена культуры являются его ценностные принципы» (9, 189). К тому же он относит термин «дискурс» к разряду неоднозначных терминов, поскольку он относится к различным областям знаний, от психолингвистики до лингвокультурологии, каждая из которых тем или иным образом касается речевой деятельности. В. И. Карасик считает

дискурс чем-то средним между общением, речью и собственно фиксируемым текстом, как остатком общения (9, 192). В лингвофилологии дискурс рассматривают как «конкретизацию речи в различных модусах человеческого существования, поэтому правомерно, например, выделение делового (утилитарного) и игрового регистров дискурса; назначение первого — ориентировать человека в реальном мире; здесь важны цель и истина для адекватного представления образа реальности и полезного, эффективного действия в ней; назначение второго — освобождение человека от детерминизма природы и себе подобных, речевое лицедейство, опрокидывание устоявшихся стереотипов восприятия и поведения». В лингвистике дискурсом называется речевое общение, отличающееся от письменной речи спонтанностью, тематической связностью, понятностью для всех его участников. В социолингвистике дискурс как общения рассматривается с точки зрения принадлежности к определенной социальной группе или «применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например, институциональное общение» (9, 193-194).

Итак, термин «дискурс» определяют по разным признакам, часто в связи с определенной сферой, каждая из которых приписывает ему определенные характеристики.

1.1.2 Различные подходы к классификации дискурса

Общепринятой классификации, как и определения дискурса, не существует. Поэтому в данной работе мы рассмотрим классификации различных авторов.

В. И. Карасик различают следующие группы типов дискурса: социолингвистические типы и прагмалингвистические типы дискурса. Каждая группа включает в себя несколько типов дискурса.

К социолингвистическим типам дискурса относятся: институциональный дискурс и бытийный дискурс.

1. Институциональный дискурс классифицирует виды дискурса в зависимости от принадлежности к определенному институту:

А. Педагогический дискурс. Его главными участниками являются ученик и учитель. Целью педагогического дискурса является социализация ученика. Данный вид имеет следующие коммуникативные стратегии: объясняющую, оценивающую, контролирующую, содействующую, организующую, которые реализуются в следующих жанрах педагогического дискурса: урок, лекция, семинар, экзамен, родительское собрание и т.д. Школьные учебники, правила поведения школьников, пословицы, поговорки, стихотворения и многие другие тексты относятся к числу прецедентных текстов педагогического дискурса.

Б. Религиозный дискурс. Основными участниками данного вида являются священнослужители и прихожане, а так же Бог. В качестве предполагаемой цели религиозного дискурса выступает приобщение к вере. Стратегии данного вида связаны с жанрами и целями: 1- молитвенная (искреннее обращение к Богу), 2- исповедальная (человек искренне обращается к Богу, как и в молитвенной стратегии, однако отличие – в наличии посредника, медиума), 3- призывающая, утверждающая и разъясняющая (проповедь, истолкование священного текста), 4 – обрядовая (отличается наличием действия). Прецедентными текстами являются тексты священного писания.

В. Научный дискурс. Его участники – это научные исследователи, причем особенность данного вида дискурса в том, что все его участники равны в обладании истиной. Жанры научного дискурса рассматриваются на основе двух критериев – членимость и нечленимость, первичность и вторичность. К первичным можно отнести монографию, диссертацию, статью, к вторичным – автореферат, аннотацию и тезисы. Стратегии данного вида дискурса определены его целями: «1- определить проблемную

ситуацию и выделить предмет изучения, 2- проанализировать историю вопроса, 3- сформулировать гипотезу и цель исследования, 4- обосновать выбор методов и материала исследования, 5- построить теоретическую модель предмета изучения, 6- изложить результаты наблюдений и эксперимента, 7- прокомментировать и обсудить результаты исследования, 8- дать экспертную оценку проведенному исследованию, 9- определить область практического приложения полученных результатов, 10- изложить полученные результаты в форме, приемлемой для специалистов и неспециалистов». Вышеперечисленные стратегии можно также поделить на класс выполнения, класс экспертизы и класс внедрения исследования в практику. Стратегии научного вида дискурса реализуются в следующих его жанрах: монография, научная статья, диссертация, выступление на конференции, стендовый доклад, научно-технический отчет, аннотация, рецензия, реферат. Научный дискурс характеризуется высоким уровнем интертекстуальности.

Г. Политический дискурс. В. И. Кибрик анализирует политический дискурс, взяв за основу исследования Е.И. Шейгал. Мы рассмотрим подробно данный вид дискурса в следующем пункте нашего исследования.

Д. Медицинский дискурс. Один из древнейших видов дискурса. Медицинские работники и пациенты являются участниками медицинского дискурса. Высшие ценности медицинского дискурса – это здоровье и человеческая жизнь. Тексты медицинского дискурса в основном устные, им присущи – клише, жанровые схемы.

2. Бытийный дискурс. При данном виде дискурса «предпринимаются попытки раскрыть свой внутренний мир во всем его богатстве, общение носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер, используются все формы речи на базе литературного языка; бытийное общение носит преимущественно монологический характер и представлено произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами».

Бытийный дискурс может быть прямым и опосредованным. Прямой бытийный дискурс представлен двумя противоположными видами: смысловой переход (рассуждение – выражение мыслей и чувств посредством слов) и смысловой прорыв (озарение, инсайт, внезапное понимание сути дела, душевного состояния, положения вещей). Прямой бытийный дискурс может быть представлен любым логическим умозаключением. Опосредованный бытийный дискурс строится на передаче аналогичного символического значения посредством повествования или описания. Важнейшей характеристикой бытийного дискурса является стремление коммуникантов к точности обозначения понятий или представлений.

К прагмалингвистическим типам дискурса относятся:

А. Юмористический дискурс – «текст, погруженный в ситуацию смехового общения». Типичным жанром юмористического дискурса является анекдот. Предлагаются следующие критерии для классификации анекдотов: 1) по соотношению признаков шутовской, шутливой и полусерьезной тональности, 2) по соотношению признаков дружелюбного, располагающего, нерасполагающего и враждебного отношения, 3) по характеристике проблемной ситуации, лежащей в основе анекдота, 4) по отношению рассказчика и слушателя к главному персонажу анекдота, 5) по признаку "абсурдность" — "реальность", 6) по типу замещения через юмористическое снятие табу, 7) по отношению к различным текстотипам, соотносимым с анекдотами, 8) по социальному типу участников дискурса, на которых рассчитан данный анекдот.

Б. Ритуальный дискурс. Ритуализация присуща многим другим видам дискурса. Ритуальный дискурс можно обнаружить не только в различных видах институционального общения, но и в научном, политическом дискурсе. Сущность ритуального дискурса в его повторяемости (рекурсивности). Вероятно, любое речевое действие может стать ритуализованным и затем ритуальным, но есть действия,

предрасположенные к ритуализации. Таковы просьбы, извинения, поздравления, восхваления, соболезнования, осуждения, обещания, приветствия, прощания и так далее (9, 194-208).

А. А. Кибрик дает классификацию дискурса по модусам и по жанрам. Самый главный классификационный признак, различающий типы дискурса – это модус. Данное разграничение представляет собой противопоставление устного дискурса письменному. Это разграничение связано с каналом передачи информации, или носителем: при устном дискурсе канал – акустический, при письменном – визуальный.

Долгое время письменный язык признавался более престижным, хотя и являлся по своей сути производным от устного языка. Несмотря на то, что в течение многих веков письменный язык пользовался бóльшим престижем, чем устный, совершенно ясно, что устный дискурс – это исходная, фундаментальная форма существования языка, а письменный дискурс является производным от устного. Более того, большинство человеческих языков и по сей день являются бесписьменными, то есть существуют только в устной форме.

После того как лингвисты признали (в XIX в.) приоритет устного языка, еще в течение долгого времени не осознавалось то обстоятельство, что письменный язык не транскрипция устного языка, а лишь письменная форма языка. Не смотря на то, что многие лингвисты не осознают приоритета устного языка, отстаивают равноправие устного и письменного языка, приоритет устной формы языка остается бесспорным.

Первое различие находит свое отражение в каналах передачи информации и временном режиме речи и письма. Во-первых, при устном дискурсе порождение и понимание синхронизированы, чего нельзя сказать о письменном дискурсе. Во-вторых, скорость устной речи намного выше скорости письма. В-третьих, устный дискурс фрагментарен – речь порождается интонационными единицами, представляющими собой заверченный интонационный контур, и отделяются друг от друга паузами.

При письме предикации объединяются в сложные синтаксические конструкции и объединения.

Второе принципиальное различие связано с разницей в каналах передачи информации. При письменном дискурсе отсутствует контакт между говорящим и адресатом, в то время как при речи этот контакт обязателен. Кроме того, при устном дискурсе адресант и адресат вовлечены в ситуацию, когда при письменном дискурсе говорящий и адресат отстранены от описываемой ситуации.

А. А. Кибрик упоминает также о различии по такому параметру, как регистр, то есть различии по формальности – неформальности. Письменный дискурс чаще всего более формален, чем устный. Для примера достаточно упомянуть любой научный текст как иллюстрацию письменного дискурса и бытовой диалог как иллюстрацию устного.

Если брать в расчет жанр как понятие, необходимое не только для разграничения литературных произведений, то еще одним разграничением видов дискурса является разграничение по жанрам. Исчерпывающей классификации жанров не существует, но в качестве примеров можно назвать бытовой диалог (беседу), рассказ, инструкцию по использованию прибора, интервью, репортаж, доклад, политическое выступление, рекламное выступление, проповедь и т.д.

Следующим способом классификации дискурса является классификация по типам изложения (типам пассажей – фрагментов дискурса):

- нарративный (повествовательный),
- дескриптивный (описательный),
- объяснительный,
- инструктивный и увещательный,
- убеждающий (аргументативный) (10, 16-21).

Одной из причин отсутствия общепринятой классификации является то, что способы разграничения типов дискурса весьма разнообразны:

различие по модусам, по формальности, жанрам. К тому же, практически все актуальные проблемы дискурсивного анализа решаются по-разному для разных типов дискурса. Это связано с тем обстоятельством, что никакой универсальной теории дискурса пока не существует, дискурсивный анализ является крайне мозаичной дисциплиной.

1.2 Политический дискурс как современное направление исследований

В рамках классификации видов дискурса В. И. Карасика мы столкнулись с таким видом дискурса, как политический дискурс. Поскольку в качестве объекта для нашего исследования выступают тексты средств массовой информации, в которых мы нашли примеры метафор, служащих средствами создания образа политических деятелей, то можно сказать, что наша работа относится к области исследования политического дискурса.

Связь языка и политики весьма значительна, поскольку любой политический режим предполагает языковую коммуникацию. В данной работе мы рассмотрим эту связь с двух сторон. Во-первых, мы рассмотрим связь языка с политикой через понятие власти в языке. Во-вторых, мы рассмотрим эту связь в рамках такой области знаний, как лингвополитология.

Прежде чем приступить к рассмотрению связи политики и языка, необходимо рассмотреть эти два понятия в отдельности.

Следует начать с понятия языка в целом. Согласно определению в Большом толковом словаре русского языка, язык – «разновидность речи, обладающая теми или иными характерными признаками; способ словесного выражения, свойственный кому-либо или чему-либо» (15, 1531-1532). Словарь лингвистических терминов определяет язык как «разновидность речи, характеризующаяся теми или иными стилистическими признаками» (26).

Анализируя толкования слова «язык», можно сделать вывод, что язык не является однородным для всех его носителей. На фоне общей языковой картины того или иного языка каждая отрасль человеческой деятельности имеет свои характерные признаки.

Приведем же понятие «политики» и «политического». А. Г. Дугин определяет политику как «область применения высших способностей человеческого существа к конкретной реальности окружающего мира, воплощенного в пространстве общественных связей и отношений». Общественные связи и отношения не представляются нам без коммуникации, а именно языковой коммуникации (8, 5).

Человек является как объектом, так и субъектом политики, так как «политика влияет на человека (в этом объектность его роли в политике), но и человек влияет на политику (в этом его субъектность). В связи с этим, человек выступает в роли главного деятеля политики (8, 10).

По мнению А. Г. Дугина, язык имеет непосредственную связь с властью, так как именно в языке и наблюдаются властные отношения. Он представляет грамматическое предложение как образ власти, где на первом и самом главном месте – подлежащее в роли «суверена». Сказуемое же представляет действие, исходящее от «суверена», либо его состояние. Дополнения выступают в роли подданных, на которых подлежащее оказывает свое давление. А. Г. Дугин отмечает, что только вышеописанная связь языка и власти позволяет говорить о наличии такого понятия, как «политический язык» или «язык политики», то есть «метаязык» (в области политики), который описывает, расшифровывает, поясняет и навязывает людям политическое (8, 387-388, 392-393).

Один из уровней политического языка – это прагматический уровень, то есть уровень применения пропаганды. Именно на этом уровне политический дискурс функционирует в полной мере.

Теперь рассмотрим связь этих двух понятий в рамках политической лингвистики, науки, возникшей на пересечении лингвистики с

политологией. Возникновение данной области научных знаний связано с растущим в последнее время интересом к условиям и механизмам политической коммуникации. Она адресуется каждому человеку, который читает газеты, смотрит телевизор или слушает радио. Именно политическая коммуникация является предметом исследования политической лингвистики. Политическая лингвистика уходит корнями к античной риторике. Однако же как самостоятельная дисциплина она возникла только во второй половине 20 века. Особое внимание в рамках развития лингвополитологии необходимо уделить Дж. Оруэллу, который в своих работах (роман-антиутопия «1984» и словарь «новояза») описал способы речевого манипулирования человеческим сознанием с целью завоевания и удержания власти. В России долгое время использование языка в социальной сфере рассматривалось в рамках риторики. Политическая речь в конце 19 – начале 20 вв. рассматривалась еще и в публицистике. И только в конце 20 века в России стали уделять политической коммуникации все больше внимания (23, 5-18).

Различные авторы дают отличные друг от друга определения политического дискурса. Одно из первых упоминаний о политическом дискурсе и подробное его рассмотрение можно обнаружить в работе Ю. А. Сорокина «Политический дискурс: попытка истолкования понятия». Автор определяет термин через его соотношение с идеологическим дискурсом, называя политический дискурс разновидностью идеологического дискурса. «Различие состоит в том, что политический дискурс эксплицитно прагматичен, а идеологический имплицитно прагматичен» (21, 57).

В своей работе «Семиотика политического дискурса» Е.И.Шейгал упоминает два измерения политического дискурса, как и других видов дискурса: реальное и виртуальное. По мнению автора, реальное измерение подразумевает текущую речевую деятельность в определенном социальном пространстве, а также возникающие в результате данной деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии

лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов. Виртуальное измерение дискурса, по мнению Е. И. Шейгал, это семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, совокупным денотатом которых является мир политики, тезаурус высказываний, набор моделей речевых действий и жанров, специфических для общения в данной сфере (25, 22-23).

А. П. Чудинов считает, что в понятие дискурс включены такие компоненты в сознании адресанта и адресата, как тексты, содержание которых учитывают оба участника, представление говорящего об адресате, задачи автора при создании текста, политические взгляды говорящего, а также политическая ситуация на момент создания текста (23, 41).

Вслед за А. П. Чудиновым Д. В. Шапочкин призывает не ограничиваться языковыми моментами в интерпретации политического дискурса, поскольку в ином случае можно отойти от сути этого понятия. «Понимание политического дискурса предполагает знание фона, ожиданий автора и аудитории, скрытых мотивов, сюжетных схем и излюбленных логических переходов, бытующих в конкретную эпоху» (24, 59-60).

Анализируя вышеперечисленные определения политического дискурса, можно отметить, что его основной характеристикой является стремление к завоеванию и удержанию политической власти. А. П. Чудинов рассматривает следующие дискурсивные характеристики политической коммуникации, которые мы примем за характеристики политического дискурса:

1. Авторство текста. Автор и рассказчик текста не всегда являются одним и тем же человеком. В связи с этим выделяют: собственно авторские тексты, тексты без формального автора, тексты со смещенным авторством. Если речь идет об официальном обращении, послании, то за ними обычно скрывается работа целой группы специалистов. Воплощая текст в речь, политический деятель берет на себя ответственность за его содержание.

2. Адресность политического текста. Можно выделить три вида адресатов: политические единомышленники, политические оппоненты и «избиратели» (население). По количественному признаку разграничивают индивидуальный, групповой и массовый адресат.

3. Стратегия и тактика в политической коммуникации. «В политической коммуникации стратегия ориентирована на изменение политических взглядов адресата, на преобразование его отношения к тем или иным теориям, событиям, людям... Коммуникативная тактика – это конкретные способы реализации стратегии» (23, 73-77).

Еще одну особенность политического дискурса, а именно функционирование на трех уровнях, можно выделить, исследовав характеристики языка политики, которые выделяет А. Г. Дугин в своей работе «Философия политики». Поскольку дискурс и язык являются неразрывными понятиями, мы рассмотрим функционирование политического языка, как функционирование политического дискурса на трех уровнях, предложенных А. Г. Дугиным:

1. Идеологический уровень или «идеологическое ответвление». Идеология в данном случае есть не что иное, как грамматика и морфология языка политики. То есть принципы и правила, в соответствии с которыми строится политическая речь. На данном уровне характерно использование терминологии.

2. Прагматический уровень. Данный уровень связан с методологией внедрения и пропаганды, как прямой, так и косвенной. В данном случае речь идет о составлении политических дискурсов, опираясь на идеологию (то есть на первый уровень функционирования). На данном уровне терминология используется эпизодически.

3. Уровень «популизма». Его целью является выдать «политический язык» за «неполитический». На этом уровне автор не акцентирует свое внимание на политике, стараясь изъясняться языком массового адресата. Данный уровень существует в двух разновидностях:

политическая тактика (политик укрепляет свою позицию за счет очевидности высказываний) и растворение «политического языка» (политик является непосредственным отражением ожиданий и настроений масс без всякой дальней цели) (8, 393-395).

А. П. Чудинов рассматривает типовые свойства политической коммуникации, а, как следствие, и политического дискурса, на основе следующих антиномий:

1. Ритуальность и информативность. Фиксированность противопоставляется новизне. Политический дискурс должен быть информативным, то есть осуществляющим коммуникацию и передающим новую информацию. Все же встречается и политический дискурс с характерными ритуальными чертами: «фиксированность формы и отсутствие установки на новизну содержания» (съезды, собрания).

2. Институциональность и личностный характер. Различие в том, политический деятель выступает как личность или как представитель от определенного социального института.

3. Эгоцентричность и общедоступность. Политический дискурс должен быть понятен для адресата, однако же, иногда он обладает таким свойством, как эгоцентричность. То есть текст понятен только специалистам.

4. Редукционизм и полнота информации в политическом тексте. В политическом дискурсе дается чаще всего полная информация о том или ином политическом событии, деятеле. Иногда информация сокращается до только положительных качеств, либо же только до отрицательных.

5. Стандартность и экспрессивность. Экспрессивность предполагает использование различных выразительных средств. Казалось бы, политический дискурс должен быть стандартен, однако же, зачастую он обладает средствами экспрессивности, преследуя цель воздействовать на эмоции адресата.

6. Диалогичность и монологичность. Существует три вида диалогичности: собственно диалогичность, диалогичность «на расстоянии», интертекстуальность.

7. Явная и скрытая оценочность.

8. Агрессивность и толерантность.

Все вышеперечисленные свойства создают благоприятные условия для достижения целей автором текста, а именно – для успешного манипулирования сознанием и деятельностью адресата (23, 52-71).

1.3 Метафора как когнитивное явление

1.3.1 Различные концепции метафоры

Особенность политического дискурса состоит в том, что он имеет идеологическую направленность, которая в реализуется с помощью различных средств, как правило, лингвистических. Они усиливают эмоциональный эффект текста и оказывают психологическое влияние на реципиента. Это означает, что адресант не только излагает свою точку зрения, но чаще всего «навязывает» ее адресату. Наиболее действенным способом оказания манипулятивного воздействия на получателя является метафора, так как ее присутствие в тексте практически не заметно.

Исследования метафоры уходит от традиционных взглядов. Например, взгляд Аристотеля на метафору, как на перенос названия с одного предмета на другой уже не является актуальным в связи с тем, что появляются все больше и больше новых исследований в области метафоры в различных областях не только языкознания, но и других наук, связанных с языком лишь косвенно. Причем каждое новое направление в науке предлагает свое понимание сущности метафоры, ее функций и типов. Для рассмотрения метафоры в политическом дискурсе необходимо учитывать определения метафоры и в других областях знаний.

Принято рассматривать метафору как принадлежность естественного языка, то есть относить ее к сфере слов, а не к сфере мышления и действия. Поэтому принято считать, что в обыденной жизни можно обойтись без метафоры. Джордж Лакофф и Марк Джонсон в своей книге «Метафоры, которыми мы живем», выпущенной в 1980 году, утверждают, что «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути ... Метафоры не ограничиваются одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны... Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека» (16, 25-26).

В работе «Метафоры, которыми мы живем» рассматриваются несколько направлений изучения метафорики:

Когнитивная теория метафоры, в соответствии с которой, метафоризация основана на взаимодействии двух когнитивных структур – «источника» и «цели». Процесс представляет собой метафорическую проекцию – «некоторые области цели структурируются по образцу источника». Последствия метафорической проекции предстают в виде метафорических следствий. В когнитивной теории метафоры еще нет конкретного представления о том, как именно происходит процесс взаимодействия источника и цели. Область источника обладает большей конкретикой, нежели область цели. Область источника это все знания, полученные человеком в процессе его практической деятельности (16, 9-10).

Дескрипторная теория метафоры «представляет собой попытку формализации когнитивной теории метафоры для формализованного описания большого корпуса контекстов использования метафор, то есть для

исследования метафорики дискурса в целом, а не анализа отдельных изолированных примеров». Метафорическая проекция представляет собой некое отображение элементов области источника в область цели. С точки зрения отображения, источник является «областью отправления», а цель – «областью прибытия». В результате формируется соответствие между источником и целью, стабильность которой в каждом случае изменяется. «В дескриптивной теории метафора описывается как множество кортежей сигнификативных и денотативных компонентов, представляющих, соответственно, область источника и область цели метафорической проекции». «Тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов формируют «метафорические модели». Например, дескрипторы, относящиеся к тематике родственных отношений, формируют метафорическую модель Родственные отношения. Чем больше реалий описываются сигнификативными дескрипторами, тем больше ее «денотативное разнообразие». «Стабильность денотативных отношений» - еще один важный параметр метафорических моделей, который определяется количеством регулярных пар «источник – цель» (16, 12-13).

В рамках указанной теории необходимо обратиться к понятиям сигнификативного и денотативного компонентов. Как отмечает И. М. Кобозева в своей работе «Лингвистическая семантика», сигнификатом слова называют ядро его лексического значения, которое чаще всего отражают в словарях. Иными словами, сигнификат слова описывает набор основных признаков обозначаемых словом объектов, а также условия его применения. Соответственно, сигнификативный компонент связан с отражением действительности в сознании человека. Денотат слова включает в себя неязыковые объекты действительности. Денотат это, с одной стороны, множество объектов, соответствующих сигнификату той или иной единицы, с другой стороны, это эталонный образ, соответствующий тому или иному классу элементов (12, 81-83).

Инвентаризация метафорики дискурса и использование корпусных технологий. Совокупность метафорических моделей образует собой «метафорику дискурса», причем та часть, которая является наиболее типичной, называется «дискурсивной практикой» и делает ее наиболее специфичной. С 70-х гг. наблюдается значительный рост не только исследований в области метафоры, но и накопления корпусов примеров употребления метафор. Исследование метафор при помощи корпусных технологий представляет собой описание функционирования метафор в их реальном употреблении и предполагает следующие действия:

- 1- Сбор представительного корпуса контекстов употребления метафор;
- 2- Разработку метаязыка описания области источника и области цели;
- 3- Описание типичных метафорических моделей в смысле дескрипторной теории метафоры;
- 4- Выявление концептуальных метафор дискурса;
- 5- Определение набора метафорических моделей и концептуальных метафор как дискурсивных практик (16, 13-15).

Верификация гипотезы о когнитивной функции метафоры. Тезис о когнитивной функции метафоры – это предположение, что метафора влияет на процесс принятия решений. Предположение о том, что в связи с влиянием метафоры на принятие решений, количество метафор в кризисные периоды увеличивается нашло свое отражение в различных исследованиях. Это подтверждает влияние метафоры на мышление человека (16, 16-17).

Синтактика метафор связана с возможностью взаимного сочетания метафор. Рассматривают два варианта сочетания: согласование и совместимость. Метафоры, относящиеся к общему концепту, согласованы.

Совместимыми называют те метафоры, которые способны сформировать общий образ (16, 17-19).

М. В. Никитин в своей работе «Курс лингвистической семантики» излагает свое видение метафоричности слова и предлагает свою классификацию. Автор выделяет в лексическом значении слова интенционал и импликационал. Под интенционалом понимается множество семантических признаков, которыми обладает денотат с целью быть причисленным к определенному классу. Импликационал образуется из интенционала, представляя собой «информационную ауру слова». При метафорическом переосмыслении слова именно импликационные признаки вовлечены в реорганизацию семантических признаков слова. Импликацион связан с культурой, историей языка и его номинативных единиц.

Метафоризация основана на переносе значения с одного предмета на другой. Основанием для переноса значения, по мнению М. В. Никитина, может служить сходство признаков в денотатах. Существует перенос прямого значения нескольких видов. Если сходство предметов заключается в их аналогичности, то речь идет об онтологической метафоре. Онтологическая метафора подразделяется на прямую (простую прямую) и структурную (сложную структурную). В первом случае признаки предметов обладают физической тождественностью: «сравните – медведь 1) вид животного – неуклюжего, 2) неуклюжий человек». Во втором случае предметы не идентичны физически, но «играют сходную роль в структуре денотатов»: «прием гостей – прием пищи». И в первом и во втором случае оба предмета имеют сходство и до переноса значения, и в его процессе (19, 205-208).

Дж. Лакофф и М. Джонсон тоже выделяют онтологическую метафору, определяя ее как способ восприятия событий, деятельности, эмоций, идей, как материальных сущностей, так и веществ. К онтологическим метафорам относятся, по мнению Дж. Лакоффа и М.

Джонсона, метафоры сущности и субстанции и метафоры вместилища. По их мнению, онтологическая метафора сущности и субстанции довольно проста, именно поэтому она легко понимается, и воспринимается как простое описание мыслительных процессов. Онтологические метафоры сущности и субстанции используются для различных целей: отсылка к номинации, количественная оценка, определение аспекта рассмотрения, определение причин, определение целей и мотивация действия. Онтологические метафоры вместилища можно разделить на три группы, в зависимости от концептуализируемого объекта: пространства, поля зрения и события, действия, занятия и состояния. Каждый из концептуализируемых объектов является своего рода вместилищем. К тому же, авторы работы «Метафоры, которыми мы живем», выделяют персонификацию – как особый вид онтологической метафоры. Речь идет о персонификации в том случае, если «материальный объект интерпретируется как человек». Еще одним особым видом метафоры является метонимия – случай, когда одна сущность используется для ссылки на другую, связанную с ней (16, 49-62).

Другими видами метафор, по мнению М. В. Никитина, являются синестезическая и эмотивно-оценочная. В упомянутых случаях отсутствует онтологическое сходство, предметы не имеют ни физического, ни структурного сходства. Только в процессе восприятия предметы обретают сходство. «сходство имеет эпистемическую природу – порождается механизмами переработки информации и должно быть отнесено на их счет». Синестезическая метафора называет и осмысливает не сам предмет, а то, что в нем описывается: «мягкий 1) как в «мягкий грунт», 2) как в «мягкий упрек», 3) как в «мягкий характер», 4) как в «мягкие нравы», 5) как в «мягкая вода» и так далее». Синестезический и онтологический виды тождественны в том, что и в первом и во втором случаях сравниваемый предмет стремятся обозначить и описать по его же признакам. Два типа онтологических (прямую и структурную) и синестезическую метафору

относят к группе когнитивных метафор. Эмотивно-оценочный вид противопоставляется когнитивной группе, поскольку эмотивно-оценочная метафора относится к прагматическому плану сознания: «светлый 1) как в «светлая комната, 2) хороший в «светлое будущее» (19, 205-208).

Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют ориентационную метафору в противоположность онтологической. Указанные виды противопоставлены, поскольку первый (онтологическая метафора) создает один концепт в терминологии другого, второй же (ориентационная метафора) «организует целую систему концептов относительно другой системы». Последний вид часто связан с ориентацией в пространстве, они придают концепту пространственную ориентацию, основанную на полярных противопоставлениях «верх – низ», «внутри – снаружи» и т.д.

А. П. Чудинов в своей работе «Метафорическая мозаика» не дает конкретной классификации, однако указывает на то, что метафоры можно классифицировать по группам с «однотипными метафорическими значениями»: военная, зооморфная, метафора в медицинском дискурсе и другие (22, 54).

Несмотря на различия в классификациях метафоры, все типы метафор связаны с созданием образа на основе переноса значения.

1.3.2 Проблемы соотношения понятий «метафора» и «образ»

Понятие «образ» используется в таких областях знаний, как философия, психология, лингвистика и др. В философии под образом понимается отражение объекта в сознании человека. Психология рассматривает образ как появившееся в результате познавательных процессов психическое явление. Литературоведение выделяет

разновидность образа – «художественный образ». Данная разновидность рассматривает образ как отражение действительности, созданное при помощи фантазии писателя.

Согласно Большому толковому словарю русского языка С. А. Кузнецова понятие «образ» имеет шесть значений:

- 1- «Внешний вид, облик, наружность, внешность»;
- 2- «Живое, наглядное представление о ком-либо, чем-либо, возникающее в воображении, мыслях кого-либо»;
- 3- «Форма восприятия сознанием явлений объективной действительности; отпечаток, воспроизведение сознанием предметов и явлений внешнего мира»;
- 4 – «Обобщенное художественное восприятие действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления»;
- 5 – «Характер, склад, направление чего-либо»;
- 6 – «Способ, средство» (15, 682).

В лингвистике понятие образ исследуется многими учеными. Например, Э. С. Азнаурова рассматривает понятие образ как сложное психолингвистическое явление, а именно, «наглядное представление о каком-либо факте действительности, такое неадекватное отражение явлений и предметов, в которых сознательно отобраны те их признаки, через которые возможно передать данное понятие в конкретно-образительной форме» (1, 123).

Н. Д. Арутюнова обращает внимание на то, что форма и содержание образа не разделены. Образ воспринимается в основном зрительно, даже если он создается заочно. Однако целостность образа характеризуется не только наличием внешних характеристик, образ предполагает наличие содержания. Образ – это категория сознания, а не действительности, он формируется восприятием, памятью, воображением. Итак, по мнению Н. Д. Арутюновой образ является восприятием (зрительным или ментальным) и субъективным отражением определенного предмета или явления в

человеческом сознании. Причем, образ имеет определенную форму и неопределенное содержание (2, 315-323).

В нашей научно-исследовательской работе мы будем рассматривать понятие «образ» как отражение субъекта политической деятельности и его признаков, созданных вербальными средствами массовой информации, отражаемых в сознании политического реципиента. Нужно отметить тот факт, что образ всегда имеет эмоционально-оценочную составляющую. Иными словами, образ всегда оценивается, имеет оценку. Е. М. Вольф рассматривает оценку как один из видов модальности. Оценка содержит дескриптивный и недескриптивный компонент. Дескриптивный компонент предполагает обозначение реального положения дел или несколько его вариантов, в то время как недескриптивный компонент предполагает некоторое высказывание по этому поводу. «Оценочная модальность определяется высказыванием в целом, а не отдельными его элементами» (6,11).

Метафора, по мнению Н. Д. Арутюновой, наследует образ. Различие между метафорой и образом состоит в том, что первая – носит строгий категориальный характер, то есть относится к определенной категории, второй же строится на нарушении категориальных границ. Другими словами, метафора наследует образ, принадлежащий одной категории, а свойственный совершенно другой (2, 323).

1.3.3 Метафора в политическом дискурсе

Многие ученые сходятся в мнении, что метафора и метафорическая модель должна рассматриваться в связи с дискурсом, в котором она функционирует.

Поскольку основная цель метафоры – обратиться к эмоциям реципиента и побудить его к действию, она активно используется в политическом тексте и дискурсе. Преимуществом использования метафоры

в политическом дискурсе является то, что она апеллирует к общим знаниям и создает ощущение единства и равенства у участников коммуникации, что побуждает их к принятию мнимого «общепринятого» мнения.

«Из всех средств создания образности наиболее экспрессивным материалом обладает метафора, поскольку представляет собой нечто большее, чем прием выразительной речи». «Анализ публичных выступлений политиков показал, что по своей структуре самой распространенной формой выражения метафоры в сфере политической коммуникации являются двучленные словосочетания. Это могут быть генетивные обороты, построенные по модели «именительный падеж существительного + родительный падеж существительного... или атрибутивные словосочетания «прилагательное + существительное». Распространенность метафор такого типа объясняется тем, что в них наиболее ярко обнаруживается сам механизм метафоризации. Метафора всегда бинарна, так как в основе ее лежит взаимодействие двух информационно-смысловых комплексов или фреймов (фрейм – совокупность знаний о предмете или ситуации, хранящихся в сознании человека). Так в метафоре пропасть высокой инфляции фрейм пропасти в преобразованном виде переносится во фрейм инфляции. В результате формируется новый смысл – затруднительное положение в стране из-за постоянного повышения цен, из которого трудно выбраться. Обобщенность и образность метафоры делают ее весьма удобным и привлекательным инструментом коммуникации: она освобождает от бремени строго рационального и логически последовательного описания какого-либо объекта и оставляет простор для множественной интерпретации сказанного, а следовательно, предполагает возможность альтернативного вывода. Ползучий переворот - недовольство, волнение, постепенно охватывающее народные массы, или назревающая необходимость каких-либо изменений в области политики и экономики страны. В основе политического дискурса лежит непрекращающийся диалог – поединок между «партией власти» и

оппозицией, поскольку основной целью политической коммуникации является борьба за власть. Политик создает, защищает и утверждает собственный образ, атакует образ политических оппонентов, раскрывает систему собственных ценностей и идеалов, ниспровергая чужие, пытается привлечь к себе общественное мнение и симпатии. Именно метафора служит реализации подобной коммуникативной интенции, являясь эффективным инструментом эмоционального воздействия на аудиторию.

Предлагаемая типология политических метафор составлена по результатам анализа политических выступлений русских и французских парламентариев и базируется на семантической классификации метафор по вспомогательному субъекту В. П. Москвина (18).

Антропоцентрическая метафора или олицетворение возникает при наделении неодушевленных предметов и абстрактных понятий качествами, действиями, чувствами человека, что часто встречается в речи российских политиков.

В речи депутатов, государственных деятелей очень часто встречаются метафоры, связанные с борьбой, с ведением военных действий. В таких случаях уместно говорить о «военной» метафоре. Подобный «метафорический милитаризм» оказывает воздействие на сознание, ориентируя человека на борьбу и распри, а не на мир и поиски согласия, хотя, конечно, не следует видеть за каждым случаем употребления военного термина в переносном значении коварный замысел захвата власти или природную агрессивность человека.

Метафора кризисного положения. По семантике метафор можно изучать политическую историю страны, по распространенности тех или иных метафорических моделей – составить представление о ситуации, в которой она оказалась. Не случайно распространенным в русском политическом дискурсе оказались метафоры кризисного положения, катастрофы, тупика и поиски выхода из них.

Метафора движения. Еще одна серия метафор связана с движением: здесь присутствуют не только образы дороги, крутого поворота, подъема и спуска, но и образы различных средств – от корабля до повозки.

Механистическая метафора. Весьма распространены в парламентском общении так называемые механистические метафоры, где в роли источника (метафорической модели) выступают понятия из области производства, техники, строительства и т.п. механистические метафоры универсальны – они встречаются в разноструктурных языках.

Таким образом, можно сказать, что для устного делового выступления характерно использование образных средств языка, в частности метафор, что обусловлено необходимостью выражения эмоций и определенным эмоциональным давлением на аудиторию для достижения своих целей.

Что касается семантики, можно говорить о некоей универсальности типов метафоры в политическом дискурсе разноструктурных языков» (20, 63-68).

А. П. Чудинов упоминает четыре широких разряда моделей политической метафоры:

1. Антропоморфная метафора. Поскольку человек моделирует политическую реальность по своему подобию, он метафорически передает политические реалии посредством простых повседневных реалий, используя концепты, принадлежащие сфере «Анатомия», «Физиология» и т.д.

2. Природоморфная метафора. Природа служит человеку моделью для создания различных областей реальности. Такие сферы как «Мир растений», «Мир животных» служат источниками метафорического расширения.

3. Социоморфная метафора. Политический мир формируется подобно другим сферам социальной деятельности человека. Данный вид включает в себя реалии из сферы «Экономика», «Преступность» и т.д.

4. Артефактная метафора. Человек создает новые вещи – артефакты. По аналогии с артефактами люди метафорически моделируют и политическую сферу, представляя ее компоненты из сфер «Механизмы», «Инструменты» и т.д.

Вышеперечисленные разряды можно условно представить как «Человек как центр мироздания», «Человек и природа», «Человек и общество», «Человек и результаты его труда» (22, 136-137).

Существуют различные методики, при помощи которых можно описать и систематизировать метафорические модели. Метафорическая модель – это некоторое количество взаимодействующих метафор. А. П. Чудинов выделяет следующие свойства метафорических моделей:

1. Иерархическое устройство. «В лексико-семантической системе традиционно выделяются иерархические организованные объединения: поля подразделяются на подполя, внутри этих подполей выделяются лексико-семантические группы, которые, в свою очередь, подразделяются на подгруппы, в составе которых могут выделяться отдельные парадигмы, и т.п.»

2. Пересекаемость метафорических моделей. Некоторые метафорические образы можно отнести к двум смежным метафорическим моделям, зачастую не имеющим четких границ.

3. Полевая организация метафорической модели. В состав метафорической модели входят метафорические словоупотребления, которые можно отнести к ее центру (ядру) и периферии (22, 138-139).

А. П. Чудинов в своей работе «Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации» излагает свое видение функций политической метафоры. В качестве основных функций называются когнитивная, коммуникативная, прагматическая и эстетическая. Причем каждая из них подразумевает свои разновидности или варианты метафоры. Рассмотрим каждую функцию в отдельности:

1. Когнитивная функция метафоры. При данном подходе метафора рассматривается как «способ мышления, средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности, при помощи сценариев, фреймов и слотов» (22, 59). Иными словами, метафора помогает концептуализировать новую информацию, концептуализация в данном случае зависит от национального, социального и личностного сознания. «Метафоры – это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления, они заложены уже в самой интеллектуальной системе человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует».

Когнитивная функция метафоры имеет четыре разновидности:

А) Номинативно-оценочная разновидность. В данной разновидности метафора используется для названия новых явлений, либо же для создания нового названия взамен существующего. При создании названия явление категоризируется.

Б) Моделирующая разновидность. В данной разновидности система взаимосвязанных метафор из другой понятийной области используется для создания модели политической реальности.

В) Инструментальная разновидность. В данной разновидности метафора выступает так называемым «инструментом мышления». Она определяет направление мысли и способствует принятию определенного решения.

Г) Гипотетическая разновидность. Метафора позволяет представить возможное развитие событий, предположить сущность характеризуемого объекта.

2. Коммуникативная функция метафоры. Данная функция предполагает обмен информацией при помощи метафор. Коммуникативная функция имеет два варианта:

А) Эвфемистическая разновидность. Данная разновидность удобная в том случае, если автор по тем или иным причинам не хочет называть явление напрямую.

Б) Популяризаторская разновидность. Появление этой разновидности обосновано тем, что политический текст, как правило, направлен на крупнейшую аудиторию. Метафоры используются для донесения сложной идеи до огромной массы людей. Можно сказать, что автор пытается «объяснить на пальцах».

3. Прагматическая функция метафоры. Посредством метафоры автор пытается преобразовать сложившуюся в сознании адресата политическую картину мира, апеллировать к эмоциям и побудить к нужным действиям. Именно в связи с направленностью метафоры выделяют побудительную, аргументативную и эмотивную разновидности.

А) Побудительная разновидность. Метафора используется для усиления действительности и побуждения к политическим действиям адресата.

Б) Аргументативная разновидность. Автор, который использует метафору в качестве аргументов, пытается изменить политические воззрения адресата.

В) Эмотивная разновидность. Данная разновидность предполагает воздействие метафоры на эмоционально-волевую сферу человека при помощи, ассоциации, переноса значения и так далее.

4. Эстетическая функция метафоры. Образная форма метафоры не только привлекает внимание, но и позволяет придать высказыванию глубины и точности. В данной функции чаще всего используется употребление новых слов по уже существующим моделям, что способствует оптимальному соотношению стандарта и экспрессии. В связи с этим, в качестве разновидностей можно выделить изобразительную и экспрессивную.

А. П. Чудинов отмечает, что только в рамках классификации можно рассматривать функции и разновидности метафоры автономно, поскольку в тексте они тесно переплетены (22, 59-66).

Важнейшими параметрами текста являются целостность и связность. Адресат воспринимает текст как некоторое неделимое целое. «Связность текста — это взаимодействие его элементов, которое позволяет читателю воспринимать отдельные части текста как взаимодействующие между собой». Система метафор, или метафорическая модель, способствует восприятию текста читателем как связного и неделимого. «Метафоры в политических текстах обычно представляют собой не случайный набор абсолютно автономных элементов, а своего рода систему. Организующим стержнем этой системы становится та или иная метафорическая модель» (23, 149-150).

Выводы по Главе 1:

В связи с растущим интересом к области средств массовой информации, непрерывно преобразующей и добавляющей образности политическую сферу жизни, растет интерес и к политической коммуникации, политическому дискурсу, политической лингвистике.

Политическая лингвистика весьма молодая, а вместе с тем и популярная, область научного знания, изучающая функционирование политического дискурса.

В связи со сравнительно недавним появлением термина «дискурс», в лингвистике еще не существует его единого определения, принятого всеми. Исходя из перечисленных в Главе 1 определений, мы можем дать трактовку политическому дискурсу, как речевой коммуникации, в которой адресант обращается к адресату с целью изложить или «навязать» свою точку зрения в отдельной области политической жизни.

Политический дискурс имеет свои особенности. Проанализировав мнения различных авторов, можно сказать, что политическому дискурсу свойственно: авторство и адресность текста; наличие стратегии и тактики в политической коммуникации; функционирование на идеологическом, прагматическом и уровне «популизма»; ритуальность или информативность, институциональность и личностный характер, эгоцентричность и общедоступность, редукционизм и полнота информации, стандартность и экспрессивность, диалогичность и монологичность, явная и скрытая оценочность, агрессивность и толерантность.

Еще одной особенностью политического дискурса является идеологическая направленность, которая в реализуется с помощью различных средств, как правило, лингвистических, для усиления эмоционального эффекта текста и оказания психологического влияния на реципиента. Наиболее действенным способом оказания манипулятивного

действия на получателя является метафора, так как ее присутствие в тексте практически не заметно.

Метафору относят к естественному языку, то есть к системе слов. Однако, этот взгляд на метафору не является актуальным, поскольку современная наука относит метафору к сфере мышления и действия. Иными словами, процессы мышления сами по себе метафоричны. Однако, различные теории (когнитивная, дескрипторная, корпусная и т.д.) рассматривают метафору и ее определение по-разному. В общем смысле, все проанализированные в Главе 1 определения можно отнести к следующим утверждениям:

1- метафоризация основана на переносе значения с одного предмета (явления) на другой;

2- предмет в сфере-источнике и предмет в сфере-магните должны иметь сходство, как до переноса значения, так и после него;

3- часто метафоризация часто преследует цель осмысления нового через элементы знакомой сферы.

Ученые предлагают различные классификации метафоры:

1. Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют ориентационную метафору, онтологическую метафору двух видов: сущности и субстанции, вместилища; а также персонификацию и метонимию как особые виды метафоры;

2. М. В. Никитин выделяет онтологическую прямую и онтологическую структурную метафору;

3. А. П. Чудинов предлагает две классификации: по метафорическому значению и четыре вида политической метафоры – антропоморфная, природоморфная, социоморфная и артефактная.

В зависимости от принадлежности метафоры тому или иному виду дискурса, метафора выполняет различные функции. В Главе 1 мы рассмотрели функции метафоры в политическом дискурсе, выделяемые А. П. Чудиновым. К ним относятся: когнитивная (номинативно-оценочная,

моделирующая, инструментальная, гипотетическая), коммуникативная (эвфемистическая, популяризаторская), прагматическая (побудительная, аргументативная, эмотивная) и эстетическая функция.

Глава 2. ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ В ПЕЧАТНЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

2.1 Языковые методы и приемы передачи метафор на русский язык

Сложность передачи метафоры с языка на язык связана с тем, что для перевода не достаточно решить только лингвистическую проблему. Для адекватной передачи не только общего смысла, но и образности, необходимо подойти к переводу еще и с точки зрения культурологии, литературоведения и т.д.

При переводе образного средства следует определить его информационное содержание и семантическую структуру. Необходимо определить объем и содержание информации в языке подлинника и осуществлять перевод, максимально сохраняя объем и содержание информации в языке перевода. В случае невозможности передачи нового значения, передается только понятийное содержание образа.

При переводе метафоры имеет место когнитивный анализ, то есть анализ составляющей метафоры – концептов, фреймов и слотов. По мнению Э. В. Будаева, концепт – это неязыковая смысловая единица сознания человека. Фреймом называют смысловую структуру, предполагающую представление знаний о типизированной ситуации. Фрейм состоит из слотов, каждый из которых представляет собой детализирующие типизированную ситуацию свойства и элементы (4, 105-107).

П. Ньюмарк в качестве двух основных проблем передачи метафоры с языка оригинала на язык перевода выделяет:

- 1) определение объема семантической составляющей метафоры в переводе;

2) определение того, в какой степени смысловая составляющая метафоры находится на пересечении полей образности и семантики описываемого объекта (33, 45-48).

При переводе образных средств необходимо учитывать четыре параметра:

- параметр адекватности передачи семантической информации образом принимающего языка;
- параметр адекватности передачи эмоционально-оценочной информации;
- параметр адекватности передачи экспрессивной информации;
- параметр адекватности передачи эстетической информации (3).

Для успешного описания метафоры или метафорической модели необходимо дать характеристику исходной и новую понятийные области ее единиц, а также ее фреймы и слоты; определить компонент, связывающий область источника и область цели; дать дискурсивную характеристику (прагматический потенциал, экстралингвистические факторы и т.д.); оценить продуктивность метафоры или метафорической модели (способность к развертыванию) (5, 108).

В различных источниках способы перевода классифицируются по-разному. Питер Ньюмарк, к примеру, в качестве способов называет следующие процедуры перевода метафор:

- 1) сохранение аналогичного метафорического образа (дословный перевод);
- 2) перевод при помощи сравнения;
- 3) приведение эквивалентной метафоры языка перевода;
- 4) сохранение образа путем объяснения, которое делает основание сравнения эксплицитным;
- 5) перевод путем перефразирования (33, 45-48).

Л. В. Бреева и А. А. Бутенко предлагают следующие виды лексико-стилистических трансформаций:

1. дифференциация и конкретизация;
2. генерализация значений;
3. смысловое (или логическое) развитие;
4. целостное преобразование;
5. компенсация (3).

В конечном итоге, не столько важен выбранный способ перевода, сколько сохранение образа в его процессе.

2.2 Метафорика в образе В. В. Путина в статьях печатных англоязычных СМИ

2.2.1 Освещение профессиональных и личностных качеств В. В. Путина в текстах англоязычных СМИ

Каждая профессия предполагает наличие у человека определенного набора качеств, как профессиональных, так и личных. Должность главы государства несомненно предполагает огромный перечень необходимых характеристик: от лидерских качеств до интеллектуальных способностей.

Привычному перечислению качеств личности в нашей работе противопоставлен незаурядный способ описания характеристик личности при помощи метафор.

Автор статьи «The Two Putin Problem», опубликованной в «the New York Times» 25 ноября 2016 года, рассматривает «проблему двух Путиных». Уже в названии данной статьи используется онтологическая метафора сущности и субстанции (по классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона), целью которой является номинация двух сторон образа В. В. Путина: «that there are really two Putins — one confident, cagey and effective; the other defensive, isolated and unsure of himself» (30) («...что есть два Путина – один уверенный, осмотрительный и успешный, другой –

обороняющийся, замкнутый и неуверенный в себе»). Следуя классификации политической метафоры А. П. Чудинова, данная номинативно-оценочная метафора создает новое название взамен существующему. Данная статья подразумевает раздвоение образа В. В. Путина, предполагает два типа поведения российского президента, либо же рассматривает две точки зрения на его образ. Рассмотрим подробнее этот вопрос.

Как показывает пример, приведенный выше, первый образ – «confident, cagey and effective» (30) («уверенный, осмотрительный и успешный»). Суммируя значения характеризующих «первого Путина» слов, можно назвать первый образ положительным. В качестве определения «второго Путина» приведены слова «defensive, isolated and unsure of himself» (30) («обороняющийся, замкнутый и неуверенный в себе»). Таким образом, второй образ Путина можно характеризовать как отрицательный, как образ слабого лидера страны. Таким образом, в данной статье рассматривается образ российского политического лидера с двух сторон, называя его иначе.

В статье «The Myth of Putin`s Strategic Genius», опубликованной 25 ноября 2016 года в печатном издании «the New York Times» В. В. Путин предстает перед читателем властным, жестоким лидером. В примере: «Mr. Putin pivoted hard against Russia`s demonstrations, labeling them traitors» (28) («Господин Путин резко отвернулся от российских демонстраций, наклеив ярлыки предателей на их участников») присутствует развернутая метафора, рассмотрев которую, в нашем воображении возникает образ российского лидера, склонного к тоталитаризму.

Под словосочетанием «Russia`s demonstrations» (28) скрывается онтологическая структурная метафора (согласно классификации М. В. Никитина) или метафора номинативно-оценочного разряда (согласно классификации А. П. Чудинова). Онтологический вид метафор предполагает схожесть в структуре денотатов: российские люди –

российское население – российские демонстрации. Номинативно-оценочная разновидность указывает на желание дать уже существующему концепту «люди» другое название.

Сферой-источником для понятия «labeling» (28) является область «Мода, одежда», сферой-магнитом – «Политика», согласно классификации А. П. Чудинова, данная метафора относится к разряду артефактных метафор. Сфера-источник предполагает действие над предметами одежды, неодушевленными. В сфере-магните речь идет о народе, людях. И в первом и во втором случаях действие выполняется над чем-либо и кем-либо. Однако, переходя из сферы-источника в сферу-магнит «labeling» ставит в один ряд предметы одежды и людей, тем самым, очерчивая одну из граней личности Путина, не разменивающегося по мелочам, не способного к пониманию народа своей страны и его желаний – жесткого и непреклонного. Согласно разграничению по разновидностям политических метафор того же автора, данная метафора относится к эмотивной разновидности, поскольку автор воздействует на эмоционально-волевою сферу адресата.

Следующий пример, взятый из статьи «Is Putin Winning?», опубликованной 3 октября 2015 года, характеризует российского президента как нечестного лидера, склонного к обману и даже мошенничеству: «His (Putin`s) Syrian machinations, similarly, haven`t restored the Assad regime`s control of that unhappy country» (27) («Подобно этому, его сирийские махинации не восстановили контроль режима Асада над этой несчастной страной»). Метафора «his Syrian machinations» (27) относится к разряду социоморфных (А. П. Чудинов), источником метафорической экспансии является область «Преступления». Классификации Дж. Лакоффа, М. Джонсона и М. В. Никитина относят данную метафору к группе онтологических метафор. М. В. Никитин распределяет онтологические метафоры на 2 вида: прямую и структурную. Метафора «his Syrian machinations» (27) относится к структурному виду: существует схожесть в

структуре денотатов - махинации в денежных делах – махинации в делах Сирии (сирийские махинации). Поскольку указанная метафора преследует коммуникативную цель донесения сложной идеи до массового адресата, то, по А. П. Чудинову, ее можно отнести к популяризаторской разновидности.

Следующая статья, опубликованная 26 октября 2016 года в «the New York Times», уже в своем названии содержит метафору: «Playing With Fear: Russia's War Card». Во-первых, «Playing With Fear» (29) - это онтологическая структурная метафора (по М. В. Никитину), поскольку имеет место схожесть в структуре денотатов: играть куклой – играть чувствами – играть страхом. Во-вторых, онтологическая структурная метафора «Russia's War Card» (29) (по той же классификации) (схожесть в структуре денотатов: карта (плохая или хорошая) – загадка) показывает выгоду российского положения, поскольку «военная карта» является для В. В. Путина «козырем».

Пример из статьи «Playing With Fear: Russia's War Card» открывает нам еще одну грань образа В. В. Путина: «Russia's militarization and President Putin's nuclear chest-thumping did not start yesterday» (29) («Российское вооружением и хвастовство президента Путина атомные заслуги началась не вчера»). Онтологическая прямая (по М. В. Никитину) метафора «President Putin's nuclear chest-thumping» (29) предполагает физическую схожесть: хвастовство – «chest-thumping» - дословно «бить в грудь от гордости (личной)» – бить в грудь от гордости за страну. Поскольку областью источника является «Физиология», то по классификации А. П. Чудинова, данная метафора относится к антропоморфному классу. Она функционирует в политическом дискурсе, поскольку связана с современными политическими событиями в мире. Кроме того, данный пример выполняет эстетическую функцию – придает высказыванию образности. В связи с этим можно отнести ее к изобразительной разновидности. Исходя из толкования этой метафоры,

можно добавить образу В. В. Путина некоторые черты – такие, как самохвальство и стремление к мировому господству.

Рассмотрим еще один пример из этой же статьи: «Indeed, he behaves like a child in a sandbox who makes mischief repeatedly until he gets the attention of the adults» (29) («Действительно, он ведет себя как ребенок в песочнице, который постоянно проказничает, до тех пор, пока взрослые не обратят на него внимания»). В данном случае мы имеем дело со сравнением, переходящим в метафору. В сравнении «he behaves like a child» (29) представлен тот, кого сравнивают «he», тот, с кем сравнивают «a child» и показатель сравнения «like». Однако же, если рассмотреть предложение полностью, то мы имеем дело с метонимией (по Дж. Лакоффу и М. Джонсону) или онтологической прямой метафорой (по М. В. Никитину). Вместо «Путин», «деятельность Путина» и «Запад» в области источника использованы «a child in a sandbox», «mischief» и «the adults» (29) в области цели. Этот же пример метафоры можно отнести к эвфемистической разновидности по А. П. Чудинову, так как автор явно не желает называть явление напрямую. Представление Владимира Путина в образе ребенка, да еще и проказника, призвано для определенной цели. По нашему мнению, данная метафора предполагает привнесения в образ политика сомнения в его компетентности и обдуманности действий.

То, что В. В. Путин сравнивается с ребенком, а в следующем примере – с запуганным ребенком, показывает пример из следующего предложения: «Moscow's saber rattling has clearly failed to intimidate the West, Russia's military and its nuclear arsenal remain the only aces in Mr. Putin's hand» (29). Итак, мы имеем дело с персонификацией (Дж. Лакофф и М. Джонсон) – «Moscow's saber rattling» (29), где Москва машет саблями. В данном случае в воображении рисуется образ испуганного ребенка, который не знает, откуда ждать опасности и машет саблями во все стороны.

В том же предложении при помощи социоморфной (А. П. Чудинов) и онтологической структурной (М. В. Никитин) метафоры «nuclear arsenal

remain the only aces in Mr. Putin's hand» (29) автор пытается добиться осмысления нового через элемент знакомой понятийной сферы «Игра». Можно заметить схожесть в структуре денотатов: туз – козырь – выгода, страховка. И к образу ребенка, упомянутому в предыдущих примерах, мы добавляем образ солдата с одним патроном на крайний случай. Таким образом, по мнению автора данной статьи, В. В. Путин и Россия находятся в затруднительном положении, но не сдаются, надеясь на «козырь».

В другой статье «Is Putin Winning?», опубликованной в «the New York Times» 3 октября 2015 года, также сферой источника выступает «Игра». «You can argue that he's been playing a bad hand well, but his cards still look considerably worse than they did when oil prices were higher, or after his splendid little war with Georgia in 2008» (27). В данном предложении две метафоры, относящиеся к понятийной сфере «Игра»: «he's been playing a bad hand well» - уже устоявшееся метафорическое выражение «хорошо сыграть плохими картами» и «his cards» (27) - согласно классификации М. В. Никитина – онтологическая структурная метафора (схожесть в структуре денотатов: играть плохими картами – играть в невыгодной позиции - выкручиваться из трудной ситуации). Этот пример связан с понятийной сферой «Игра», чтобы придать образу В. В. Путина качеств игрока – рискованность, нерассудительность и азартность.

2.2.2 Средства обозначения места В. В. Путина в мировой политике в англоязычной прессе

Рассмотрев качества российского президента, которыми его наделяют англоязычные медиа ресурсы, предлагаем рассмотреть вопрос о месте В. В. Путина в мировой политике. Анализируя статьи англоязычной прессы, можно заметить, что однозначного обозначения положения российского лидера в мировой политике нет.

В некоторых случаях речь идет о значительном влиянии, как на Запад, так и на мир в целом. Для примера рассмотрим статью «The Two Putin Problem» еще раз. Как следует из предыдущего пункта, данная статья рассматривает образ В. В. Путина с двух сторон. Некоторую характеристику его первой стороны можно извлечь из следующего предложения: «He (Putin) has fashioned new tools for meddling in other countries' affairs» (30) («Он ввел в моду новые способы для вмешательства в дела других стран»). Концепт «fashion» («вводить в моду») принадлежит сигнификативной зоне «Мода и одежда», однако же, он перенесен в новую понятийную зону. Согласно классификации А. П. Чудинова, метафора «He (Putin) has fashioned new tools» (30) относится к группе социоморфных метафор. Согласно классификации политических метафор в соответствии с их функциями того же автора, речь идет о моделирующей разновидности, поскольку политическая реальность строится на основе понятийной области «Мода и одежда». М. В. Никитин относит эту метафору к группе онтологических структурных метафор, поскольку имеет место сходность в структуре денотатов: вводить в моду одежду – вводить в моду способы вмешательства. Исходя из описанного выше примера, Владимир Путин имеет достаточное влияние в мировой политике в целом, поскольку за его поведением следят и повторяют его.

Однако, в этой же статье мы видим другой пример: «If Mr. Trump plays the two Putins right, he has a chance to move forward on other issues» (30) («Если Господин Трамп сыграет двумя Путиными правильно, у него есть шанс продвинуться вперед и в других делах»), который показывает обратное: Путин – игрушка в руках Господина Трампа. При рассмотрении данной социоморфной, по мнению А. П. Чудинова (область источника «Игра и спорт»), метафоры можно заметить, что осмысление манипулирования действиями Путина происходит через элементы знакомой для всех понятийной сферы – игры. В связи с тем, что автор не хочет называть действия Господина Трампа напрямую, эту метафору следует

отнести к эвфемистической разновидности. М. В. Никитин относит эту метафору к группе онтологическая структурная метафора, поскольку сходность в структуре денотатов отображается в следующем: «играть куклами, машинками», аналогично «играть чувствами», аналогично «играть Путиным», то есть манипулировать действиями и поведением российского президента. Таким образом, данный пример создает эффект, противоположный предыдущему – какое-либо воздействие В. В. Путина на мировую политику отрицается.

Два примера из статьи «Where was Putin when Corbyn needed him?», опубликованной в печатном издании «the Guardian» 28 августа 2016 года, следует рассматривать совместно. Итак, первый пример «Nonetheless, let us compare the contrasting media manipulation strategies of Putin's Russia and, for example, the Labour party...» (32) («Тем не менее, позвольте сравнить противоположные манипулятивные стратегии, направленные на область медиаресурсов, Путинской России и, к примеру, Рабочей партии...») показывает, что в России влияние Путина не поддается сомнениям, более того, судьба России в руках ее президента. Метафору «Putin's Russia» по классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона можно отнести к группе онтологических метафор сущности и субстанции, поскольку целью данной метафоры является номинация, так как уже известный концепт «Россия» автор пытается назвать иначе. По той же причине этот пример можно отнести к номинативно-оценочной разновидности (А. П. Чудинов). Анализируя вышеприведенный пример, можно сказать, что образ России приравнивается образу Путина в некоторых статьях, одной из которых является рассматриваемая статья.

Второй пример из той же статьи показывает авторитетный статус России, а, следовательно, и Путина, в мировых делах. «As well as the Kremlin getting to see funny cartoons of representational figures holding up signs with writing on them hours ahead of the rest of us, could this hack also mean Russia could plant false stories into American media at source?» (32)

(«Подобной той ситуации, когда Кремль принялся за смешные мультфильмы о представительных фигурах, не прекращая писать сценарии на долгое время вперед, может ли этот взлом означать, что Россия может подсадить выдуманных историй на грядку американских медийных первоисточников?»). Метафору «Russia could plant false stories into American media» можно отнести, согласно разграничению А. П. Чудинова по разрядам – к природоморфному разряду, областью источника концепта «to plant» является «Мир растений». Согласно классификации того же автора по разновидностям – к изобразительной разновидности, поскольку данная метафора выполняет эстетическую функцию: придает высказыванию точности и образности. С точки зрения классификации М. В. Никитина этот пример следует отнести к группе онтологических структурных метафор, так как существует схожесть в структуре денотатов: подсадить растение (поместить растение в землю) – подсадить сорняк (поместить сорняк в почву) – подсадить выдуманную историю (поместить выдуманную историю в американские медиа-ресурсы). Исходя из классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона, мы имеем дело с онтологической метафорой вместилища (действия, занятия). Данная метафора подчеркивает тот факт, что Россия, а вместе с ней и Путин, могут повлиять на положение дел в Америке (как указано в примере) и в мире.

Следующий пример метафоры, помогающей образно представить престижность российского лидера, мы нашли в статье «Is Putin Winning?», опубликованной в «the New York Times» 3 октября 2015 года. После прочтения предложения «But that return seems far out of his reach, and what`s closer to his grasp is something more destructive – a wrecker`s legacy, not Peter the Great`s, in which his own people gain little from his efforts, but the world grows more unstable with every move he makes» (27) (« Но это возвращение (к величию) кажется весьма далеким, а то, что находится непосредственной близости, является более разрушительным – не как во времена Петра Великого, когда даже малые старания его приносили пользу людям, а как

наследие рабочей аварийной группы по сносу домов, поскольку положение в мире становится все менее стабильным с каждым его движением») в воображении возникает образ, который можно охарактеризовать как «destructive» «wrecker». Метафора развертывается во всем предложении. Классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона предполагает отнесение этой метафоры к группе онтологических метафор сущности и субстанции, поскольку в данном случае имеет место определение аспекта рассмотрения действий Путина как деструктивных. В классификации М. В. Никитина эту метафору причислили бы к группе онтологических структурных метафор: налицо схожесть в структуре денотатов: разрушительный характер работы бригады по сносу – разрушительный характер деятельности Путина. Данный пример показывает, что, по мнению англоязычных СМИ, Путин оказывает разрушительное влияние не только на свою страну, но и на мир.

В статье «Is Trump Right About Putin?» при помощи двух метафор показана авторитетность Путина в Америке. Рассмотрим первый пример: «It was not the U.S. that declared game over, it was Trump's friend» (31) («Это не США объявили, что игра окончена, а друг Трампа»). Концепт «game over» относится к области источника «Игра», однако же он помещен в область цели «Политика». Исходя из классификации М. В. Никитина, данный перенос значения связан со схожестью в структуре денотатов: игра окончена – совместная игра окончена – совместные действия окончены – отношения окончены, поэтому согласно данной классификации, указанная выше метафора относится к группе онтологических структурных метафор. Принимая во внимание не только метафору, но и обратный порядок слов, следует отнести этот пример к аргументативной разновидности, поскольку целью автора явно является изменение политических воззрений адресата. Истолковать данную метафору можно по-разному: либо Путин решил завершить всяческие отношения с США, и метафора использована для осмысления этого факта при помощи использования знакомой понятийной

сферы «Игра», либо же российский президент «играет» с Америкой. И в первом и во втором случаях В. В. Путин оказывает влияние на Америку.

Второй пример из этой же статьи только усиливает эффект первого: «When Washington declares it will no longer talk to Russia about Syria, that doesn't change the reality that Russia holds the keys to stopping the humanitarian catastrophe and re-launching negotiations aimed at a durable settlement» (31) («Даже если Вашингтон объявит о прекращении переговоров с Россией о Сирии, это не изменит реальность: ключи к разрешению гуманитарной катастрофы и к возобновлению переговоров с целью ее разрешения находятся в руках России. Выражение «Russia holds the keys» может быть названо персонификацией (Дж. Лакофф, М. Джонсон), поскольку неживому «Russia» приписываются действия живого «holds the keys» (31). В классификации М. В. Никитина ключевое значение в определении вида метафоры играет схожесть в структуре денотатов: держать ключи к решению вопроса – держать ключи, поэтому в данной классификации это онтологическая структурная метафора. Согласно классификации А. П. Чудинова, мы рассматриваем вариант отнесения данной метафоры одновременно и к популяризаторской и к эвфемистической разносидности. Аргументировать данное решение можно тем, что автор, уходя от политической терминологии, стремится «на пальцах» объяснить суть ситуации, при этом уходит от называния вещей своими именами. Последнее может быть обусловлено нежеланием отдавать главенствующую роль в решении данного вопроса России и ее президенту В. В. Путину. Вне зависимости от вида, второй пример наглядно иллюстрирует и подчеркивает, что ключевое («keys») значение России и ее президента в некоторых мировых делах невозможно отрицать.

Выводы по Главе 2:

Метафора является незаменимым средством создания образа политического деятеля в средствах массовой информации на любом языке. Однако, при переводе с одного языка на другой, метафора часто теряет образность. Основная сложность в переводе состоит в том, что для передачи важно не только передать смысл метафоры языка оригинала в языке перевода, необходимо также сохранить эмоционально-оценочную, экспрессивную и эстетическую информацию.

Существуют различные способы перевода метафор. В Главе 2 мы рассмотрели основные: дословный перевод; перевод при помощи сравнения; приведение эквивалентной метафоры языка перевода; сохранение образа путем объяснения, которое делает основание сравнения эксплицитным; перевод путем перефразирования; дифференциация и конкретизация; генерализация значений; смысловое (или логическое) развитие; целостное преобразование; компенсация и другие.

Все сложности и упомянутые способы передачи метафоры мы учитывали при анализе различных статей англоязычных печатных изданий. Мы проанализировали влияние метафоры на формирование образа В. В. Путина в своей работе.

На основе полученных в Главе 2 данных можно сделать вывод о том, что российский лидер большей частью характеризуется англоязычной прессой как отрицательный образ в мировой политике. Это несомненно связано с политической ситуацией в мире в целом. Для создания необходимого англоязычным СМИ образа были часто использованы различные виды метафор, чаще всего для оказания нужного эмоционального эффекта на адресата. Подробные выводы представлены в Заключении.

Заключение

Сфера средств массовой информации занимает все более прочную позицию в жизни человека. Данная сфера не стоит на месте, постоянно претерпевает различные изменения. Одним из таких изменений является уход от сухого языка каналов информации к образному, экспрессивному языку современных медиаресурсов. Все больше тексты масс-медиа наполняются стилистическими средствами, в том числе, и метафорами.

Функционирование метафоры в средствах массовой информации относится к области изучения политического дискурса. В самом простом и общем понимании «дискурс» - коммуникативная (речевая) деятельность. Политический дискурс рассматривают и как вид дискурса, и как самостоятельную область изучения. Многие исследователи занимаются вопросами политического дискурса, однако, общепринятого определения данного понятия нет. На основе исследованных попыток истолкования этого понятия, можно сделать выводы о том, что политический дискурс – это коммуникативная деятельность, предполагающая фоновые знания ее участников, их ожидания, мотивы, учет политических взглядов обеих сторон, а также политическую ситуацию в целом и имеющая своей целью завоевание и удержание политической власти.

В ходе исследования установлено, что политический дискурс имеет некоторые характерные черты: авторство текста, воплощенного в речь; направленность на индивидуального, группового и массового адресата; наличие стратегии и тактики (А. П. Чудинов); функционирование на идеологическом, прагматическом и популистическом уровнях (А. Г. Дугин).

В связи со своим эмоциональным и психологическим влиянием метафора часто используется в политической коммуникации, а,

следовательно, в политическом дискурсе для манипулирования человеческим сознанием. Традиционные взгляды на метафору как на перенос названия с одного предмета на другой уходят в сторону. В современной лингвистике метафора не относится исключительно к сфере слов, она принадлежит еще и сфере мышления и действия.

На основе изученного теоретического материала сделан вывод о том, что процесс метафоризации слов рассматривается с различных точек зрения: когнитивная теория метафоры предполагает проекцию когнитивной структуры «источника» на структуру «цели»; дескрипторная теория структура «источника» является «областью отправления», структура «цели» - «областью прибытия», однако метафора в данной теории рассматривается как множество кортежей, состоящих из сигнификативных и денотативных компонентов; «корпусная» теория предполагает накопление корпусов примеров употребления метафор; верифицированная когнитивная теория предполагает влияние метафор на принятие решений; синтаксическая теория рассматривает варианты сочетаемости метафор (Дж. Лакофф, М. Джонсон).

К тому же установлено, что рассмотрение процесса метафоризации сходится к одному общему утверждению: метафоризация основана на переносе значения с одного предмета на другой. В зависимости от принадлежности предметов к определенной сфере, от способа переноса значения зачастую зависит классификация метафоры.

На основе полученных данных можно сделать следующие выводы по поводу классификации метафоры. Во-первых, метафора может относиться к определенному виду в зависимости от сферы – источника: антропоморфные, природоморфные, социоморфные и артефактные (А. П. Чудинов). Во-вторых на основе сходности некоторых классификаций можно распределить метафоры по группам. К группе когнитивных метафор относятся: онтологическая – прямая и структурная (М. В. Никитин);

онтологическая – сущности и субстанции, вместилища (Дж. Лакофф, М. Джонсон); номинативно-оценочная, моделирующая, инструментальная, гипотетическая (А. П. Чудинов). Можно выделить эмоционально-ориентированную группу метафор, к ней относятся следующие виды: эмотивно-оценочный (М. В. Никитин); побудительный, аргументативный, эмотивный, изобразительный, экспрессивный (А. П. Чудинов). Коммуникативной группе принадлежат эвфемистическая и популяризаторская разновидности метафоры (А. П. Чудинов). И, наконец, метафоры, которые нельзя отнести к вышеперечисленным группам: ориентационная метафора и два особых вида, отнесение к разряду метафор которых весьма спорно, это персонификация и метонимия (Дж. Лакофф, М. Джонсон). На основе предложенных классификаций метафоры построена модель анализа метафор в текстах англоязычных СМИ.

В данном исследовании была проанализирована значимость метафоры в формировании образа политика на примере образа В. В. Путина, который представлен англоязычными средствами массовой информации. Понятие «образ» рассматривается в различных областях знаний по-разному. Что касается нашего исследования, то мы рассматривали образ как отражение субъекта политической деятельности и его признаков, созданных вербальными средствами (метафорой) в сфере медиаресурсов, отражаемых в области политического адресата. Преимуществом использования метафоры в политическом дискурсе является то, что она апеллирует к общим знаниям и создает ощущение единства и равенства участников коммуникации, что побуждает их к принятию мнимого «общепринятого» мнения.

Проведенное исследование показало, что сложностью передачи метафоры с английского языка на русский является то, что при переводе необходимо решить не только лингвистическую проблему, но важно так же учесть передачу семантической, экспрессивной, эмоционально-оценочной и

эстетической информации. Для адекватного перевода необходимо учитывать различные лексико-стилистические трансформации, как, например, генерализация значений, смысловое развитие и так далее, и использовать различные приемы перевода – перевод при помощи сравнения, перевод путем перефразирования и другие известные приемы. Главным законом при переводе образных средств, в том числе и метафоры, является, несомненно, сохранение исходного образа.

По окончании анализа статей англоязычных печатных изданий, мы обнаружили, что наиболее частыми в употреблении оказались следующие виды: онтологическая структурная метафора (М. В. Никитин) и номинативно-оценочная разновидность (А. П. Чудинов). На основе полученных данных можно сделать вывод о том, что метафоризация чаще всего основана на сходстве некоторых признаков в денотатах сферы – источника и сферы – цели, а также о том, что целью метафоры в политическом дискурсе чаще всего является номинация предмета или явления.

Можно также сделать выводы о том, что метафора играет огромную роль в формировании образа политического деятеля. Рассматривая данный вопрос на основе освещения образа российского лидера В. В. Путина в англоязычных медиаресурсах, мы обнаружили, что метафора придает образу российского президента то осмотрительности и успешности, то замкнутости и неуверенности, то жестокости и самохвальства, в зависимости от преследуемой цели. К тому же англоязычные средства массовой информации при помощи метафор приписывают Путину различную позицию в мировой политике – от пустой мнимой влияния до ключевого положения.

Итак, на основе полученных при анализе текстов англоязычных СМИ данных, можно говорить о том, что метафора в политическом дискурсе играет несомненно важную роль в целях формирования образа

политического деятеля. Таким образом, выдвигаемая нами гипотеза получила свое подтверждение.

Список использованной литературы:

1. Азнаурова Э. С. Очерки по стилистике слова. – Ташкент, 1973. – 405 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
3. Бреева Л. В., Бутенко А. А. Лексико-стилистические трансформации при переводе. Эл. ресурс: <https://www.belpaese2000.narod.ru/Trad/transform01.htm>
4. Будаев Э. В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Екатеринбург, 2006. – 232 с.
5. Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2011. – 330 с.
6. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
7. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. – М.: Языки славянских культур, 2005. – с. 34-55.
8. Дугин А. Г. Философия Политики. – М.: Арктогея, 2004. – 614 с.
9. Карасик В. И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477с.
10. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: Диссертация в виде научного доклада, составленная на основе опубликованных работ, представленная к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М., 2003. – 90 с.
11. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. – М.: Едиториал УРСС, 2000. – 352 с.

12.Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров. – М.: РАН ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания, 2000. – с. 7-26.

13.Кубрякова Е. С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. – М.: Языки славянских культур, 2005. – с. 23-33.

14.Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.

15.Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Пер с англ./ Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

16.Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ИДТГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

17.Москвин В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Издательство ЛКИ, 2012. – 200 с.

18.Никитин М. В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 819 с.

19.Попова О. И. Функциональные особенности метафоры в политическом дискурсе (на материале публичны выступлений французских и российских политиков)// Номо Лоquens (Вопросы лингвистики и транслятологии): Сборник научных статей. Выпуск 1. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2003. – с. 63-68

20.Сорокин Ю. А. Человек из будущего, которого у него нет: Григорий Явлинский // Политический дискурс в России-3: материалы рабочего совещания. Москва, 1999. – 151 с.

21.Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография/ Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.

22.Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб пособие / А. П. Чудинов. – 4-е изд. – М., 2012. – 256 с.

23.Шапочкин Д. В. Политический дискурс: Когнитивный аспект: монография. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. – 260 с.

24.Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000. – 431 с.

25.<https://slovar.cc/rus/term.html>

26.<https://www.lingvolive.com>

27.https://www.nytimes.com/2015/10/04/opinion/sunday/ross-douthat-is-putin-winning.html?_r=1

28.<https://www.nytimes.com/2015/10/23/opinion/the-muth-of-putin-strategic-genius.html>

29.<http://www.nytimes.com/2016/10/27/opinion/playing-with-fear-russias-war-card.html>

30.http://www.nytimes.com/2016/11/25/opinion/sunday/the-two-putin-problem.html?rref=collection%2Ftimestopic%2FPutin%2C%20Vladimir%20V.&action=click&contentCollection=timestopics®ion=stream&module=stream_unit&version=latest&contentPlacement=1&pgtype=collection

31.<http://www.nytimes.com/roomfordebate/2016/10/25/is-trump-right-about-putin>

32.<https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/aug/28/where-was-vladimir-putin-when-jeremy-corbyn-needed-him>

33.Newmark Peter. A Textbook of Translation. – Harlow: Pearson Education Limited, 2008. –

34.Oxford Dictionary of Idioms. – Oxford: Oxford University Press Inc., 2004. – 340 с.